

ХАЛӀХ
ШКУЛӀ

ISSN 0869-6470

НАРОДНАЯ
ШКОЛА

☞ СЕСПӀЛ МИШШИН
ПУРНӀСӀПЕ
ПУЛТАРУЛӀХНЕ
ХАЛАЛЛАНӀ КӀЛАРӀМ

☞ ШКОЛА ГОДА

☞ ДЕБАТЫ В ШКОЛЕ

1/2000

ликой России? Плохо. Потому что в огромной России нет заботы о личности. Держава не дает свободу, счастья, защиты. У Сеспеля нет развернутой философии истории, но есть художественная концепция истории народа и его философии. У него государственное мышление и предвидение исторического развития глобальных событий, готовых уничтожить не только личности, но и целые народы.

Жестокость над чувашским, и не только над чувашским, рождала смирение, раболепство, унижение. Бесправие рождало тупость и суицидальность. Осознание всего этого у Сеспеля выражалось неудержимым поэтическим криком. В письмах к Червяковой, Пакрышню, Тургану, Ласточкину, Васянке он взывает к спасению. Он знает, что уходит и исчезает дух нации, ее культура, язык, традиции. А с потерей их не будет на земле ни Чувашии, ни чувашей. Процесс этот продолжается до сих пор, потому боли Сеспеля понятны чувашской интеллигенции.

Метафорическая игра мысли в творчестве поэта позволяет рассуждать об основных аспектах эпохи, размышлять о теме личности, государства и общества, философствовать о вечных ценностях брэнного мира. Под внешним, личностным, в переживаниях героев рассказов, а также сам Сеспель в письмах выступают как последний крик обездоленного народа. Судьба человека неотделима от судьбы народа, его государства. Разлад личностного

и государственного в художественных и эпистолярных сочинениях Сеспеля есть трагедия, на разрешение которой у поэта не хватило ни моральных, ни жизненных сил.

Уникален Сеспель нерасторжимым единством своих поступков, мыслей и выражением их через слово. Его лирический герой – сто-процентный автор. Сеспель един с жизнью, творчеством, един как образ верного сына родного народа. Потому понятен, любим, храним. Как дух нации, как идеал чувашского сына с духовным богатством – без меркантильности, без саморекламы.

Последнее слово о Сеспеле еще не сказано. Полагаю, его и не будет. Каждое новое поколение полюбит своего Сеспеля. Изменяются условия жизни, придут новые идеалы. Но Сеспель останется. Вся жизнь и творчество Сеспеля – яркий символ общечеловеческой радости и горечи, Любви и Ненависти.

Любовь и признание щепетильны. История из тысяч выбирает лишь одного, чтоб оставить его верстовым столбом на пройденном пути. При жизни Сеспеля, да и ныне, немало было действительно значительных деятелей, тайно или открыто стремившихся на пьедестал вечной славы чувашского мира. Но, как видим, XX век не дал другого Сеспеля, не повторил Ивана Яковлева.

Что принесет нам век грядущий?..

Виталий СТАНЬЯЛ

МОСТ К СОЛНЕЧНОМУ ЗАВТРА

Выступая на конференции "Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспеля", грузинский поэт Рене Каландиа обмолвился, что "роль критиков и литературоведов заключается в том, чтобы осознать назначение моста, о котором писал этот гениальный чувашский поэт..."

Собственно в сеспелевской поэзии есть два мифопоэтических образа моста. Один – это образ моста интернационала – весь в цветах, опускающийся на новый путь, по которому должен взойти на небо (?) "сильный, с новым сердцем, в солнечном одеянии, чуваш нового века", которого радостно обнимает Новый

День (стихотворение "Пашня Нового Дня"). Этот "мост", очевидно, восходит к образу радуги (асамат кёперё), "небесного моста", а "новый чуваш" – это близкий аналог ницшевского сверхчеловека. То есть я полагаю, что идея Интернационала Сеспелем понималась вполне по-коммунистически и одновременно в чувашско-мифологическом ключе. В том же 1921 году в октябре Сеспель пишет стихотворение "Проложите мост". Обращаясь к современникам, он кричит:

Эй, Вы, живые, через трупы,
через груды костей
К солнечному завтра
Резной проложите мост.

Сеспель и самого себя предлагает в жертву ("Меня под мост – В-о-о-о-н! Швырни-те..."). В этом страшном стихотворении Сеспель пришел к осознанию нечеловеческой сути комедии. Свое время он определял так:

...время не для ласк.
Время добрых песен позади,
впереди солнце.
Это время – время смерти.

Сеспель как поэт, как культурный герой (сĕн чăвашан сĕн поэчĕ) был, с одной стороны, и "делателем" моста, а с другой – сам в своей жизни и смерти, своим поэтическим словом стал как бы мостом между разными народами и культурами.

Первым был мост между Чувашией и Украиной, куда он попал волею судеб в 1921 году, и наведение этого моста как бы завершилось с его трагической смертью в июне 1922 года. И с тех пор начавшийся чувашско-украинский поэтический диалог не может не учитывать роли поэта как первопроходца. В самом его творчестве в силу двуязычия Сеспеля также шел напряженный чувашско-русский диалог, взаимодействие с поэтической традицией конца XIX - начала XX века.

К его поэзии обращались многие. Слово Сеспеля зазвучало на языках многих народов СССР и Европы. Сеспель открывал чувашскую поэзию нового времени, и, может быть, именно через него открывается – трагически и пронзительно – особая сторона чувашской души и чувашского мира. Он дал новое дыхание (сĕн сывлăш, вĕр!) чувашскому стиху, ввел трагический идеологический акцент в семантику чувашского слова и тем самым проложил мост в европейское поэтическое пространство. "Наведение моста открывает путь из старого пространства и времени к новому, из одного цикла в другой, как бы из одной жизни в другую, новую" (Мифы народов мира).

...В поэзии разных народов есть поэты особого склада – они являются наиболее яркими выразителями гласа народного в решающие, переломные эпохи народной жизни, их стихи воспринимаются как пророческие, потому что в них как бы угадывается будущее нации. Таков Александр Блок, который услышал му-

зыку революции, болгарин Христо Ботев, венгр Шандор Петефи, мятежный Михаил Лермонтов, грузинский лирик Николоз Бараташвили, классик туркменской поэзии Махтумкули (Фраги), вечный юноша-поэт Артур Рембо, австрийский поэт Георг Траклъ и многие другие. Это поэты высокого романтического склада души, их жизненный путь тесно сплетается с народной судьбой. Они сами своей жизнью открывают какие-то новые, широкие горизонты для будущего нации. Их любят в народе по-особому, жалеют как собственных детей. Какая-то неприкаянность всегда ощущается в их судьбах. Это "невинные дети нации", глубоко, а порой трагично переживающие каждое событие ее истории. Они сами неистово, страстно объясняются в любви к своему народу, к родине. Собственно, все их творчество – во имя народа, во имя родного языка. Они сгорают не метафорически, а буквально. Жизнь такого поэта не бывает, как правило, долгой и обрывается на какой-то предельно высокой ступени духовного и творческого развития. И с этого времени они входят в память и сердце народа навеки и остаются образцом для последующих поколений. Их творчество словно ослепительно-краткая вспышка молнии, но она успевает высветить весь жизненный простор и одновременно – самые потаенные уголки души...

В этом, и только в этом, ряду высоких поэтических имен мы видим и нашего Мишши Сеспеля.

В воскресный день в Шубашкаре накануне сеспелевской конференции слово Сеспеля неожиданно соприкоснулось с творчеством шведского поэта, композитора и музыканта Карла Микаэля Бельмана. Был День Бельмана, который начался на улице его имени и включал в себя открытие барельефа К. М. Бельмана, трех памятников (Ю. Аникина) и выставки "Моя бельманиана" (И. Улангин), презентацию книги "Сывлăха, тавансемĕр – Scal, Bellman!" в Чувашском художественном музее. Здесь бельмановская стихия музыки охватила собой пространство и выставки чувашских художников, посвященной 100-летию М. Сеспеля.

То, что Сеспель является соединяющим мостом между странами и народами, подтвер-

дилось и на этот раз присутствием Анники Бёкстрем, шведской переводчицы чувашской поэзии, и взрывного Рене Каландиа, уже давно переводящего Сеспеля и других чувашских поэтов. То есть Сеспель соединил полюса "Север" – "Юг", что весьма актуально для нашего времени.

Сеспель, как и чувашская поэзия в целом в лице своих лучших представителей, – это медиумы, посредники между народом и высшими силами (чувашскими богами) выступа-

ет как мост интернационала, через посредство которого происходит общение на многих языках ("ситмёл сич чёлхепе саламлаççе..."). "Мост мыслится обычно как некая импровизация еще неизвестного, не гарантированного пути. Мост строится как бы на глазах путника, в самый актуальный момент путешествия и на самом опасном месте..." (Мифы народов мира).

Атнер ХУЗАНГАЙ,
лауреат премии им. Сеспеля Чувашского
комсомола

ÇЕСПĔЛ МИШШИ - ШКУЛ ШĂНКĂРАВĔ

Мёншён-ши пирёнтен 100 сул аякра таракан поэтамар пысаккан куранать? Инçетре сүрекен сынсем пёчэк куранасçе, аяккала кайна май, сул юписем те патак пек кана тарса юласçе, сул түпере вёçе-кен сывлаш карапёсем кайак пысакаш куранасçе... Çеспёл вара пачах та урахла – мён чухлэ пирёнтен аяккарах каять, çаван чухлэ вал улапланса пырать. Украинана кайса сухалчэ пулсан та, сулсерен Шупашкарта та, Остерта та уснёсемён усет пирён вилёмсёр поэтамар пёвёпе те, асёпе те. Эпир ана тепёр чух хамаран пёчэк чалашсемпе виçме пахатпяр. Ку анланса илменрен ёнтё, мёншён тесен Çеспёл генийё стандартла мар, унан пултарулахён чикки сук, вай-хавачён виçи сук. Утмала та утапяр, ситмёле те ситёпёр, çапах та Çеспёл сырна "Пирён вай" манифеста асархаман пек пулатпяр, поэт ылханавё хамара ситесрен хараман пек тыткатпяр. Пётём халаха, туре-шаралаха, пётём асчаха сунтарма, хартма, каларса ыватма пултарасçе вёт кавар чёреллё çап-çамрак качча хайён юнёпе сырса хаварна, тимёр пек хыта сасапа тупа туна самахсем:

Чун савна чаваш чёлхийё
Пётмелле пулсан, –
Усал курак та ан шаттар
Ман тапра çине;
Çёр суралтар та çёр çаттар
Вил шаммамсене.

Çёр ан чётретёр тесен, ёмёр-ёмёр чаваша сирёп тытса тана Киремете укёте кёртер те Çеспёл поэзине, унан аслати пек хаватла саввисен философине ваттине те, вёттине те

çитерме тарашар, пурнаслама тапратар. Çак пархатарла ёçре, паллах, вёренуçсемпе вёрен-түçесен түпи пысак выранта. Вёсене валли ятарласа калана сёнусем Çеспёлён туп-тулли, шырама та кирлэ мар – ал тупанё сине лартса ашатмала та халах хушшине вёстермелле çеç. Мёншён тесен пирён поэтамар – шкул шанкаравё, урока та, урокран та ачасене хавалакан хават, шанкараван кёвви те, çемми те, ыланё те, кёмёлё те. Шанкаравё пёчёккё кана, сасси çинçе, анчах вайё чан çапнинчен те, пуйас шахарнинчен те, завод труби январёнчен те витёмлёрех – пёр минутранах пур ача та класра парта хушшинче. Юратса, хисеплесе сырать Çеспёл кун пирки ачаш самахсемпе:

Ылтан кёвё-çемлэ
Пёчёк шанкарав
Ирсерен илемлён
Урока йыхарать.

Мёншён хакла-ши шкул шанкаравё поэтшан? Мёншён тесен шанкарав çамрак арава чавашлаха вёрентет, ачапчан сүт çанталак панан асне тивёслэ аталантарать, унан пёлушён сунакан ёметне асархать те пурнаса кёме сул усать. Касаккассинче те, Шахасанта та, Теччёре те, Украинара та Çеспёл халхинче шанкарав йыхравё январса тана. Поэт вара хай пирёншён шанкарав пулса тачё, паян та малалла хастарла та хыт утамла утма чёнет. Çулё такар пултар тесен, сулсүревсён хайне тытма пёлмелле, паянхи чёлхепе каласан, дисциплина сирёп пулмала. Шкул шанкаравё ачана йёркене ханахтарать – урокра та, коридорта та, пёлу паракан дисциплинасем урла уйрамах.